

© 1990 г.

И. А. МАЛЬКОВСКАЯ, Е. П. ОСОКИН

## **«СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ» СКВОЗЬ ПРИЗМУ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА**

---

*МАЛЬКОВСКАЯ Ирина Александровна — кандидат философских наук, доцент Университета дружбы народов им. П. Лумумбы. ОСОКИН Евгений Павлович - кандидат исторических наук, старший преподаватель Института общественных наук при ЦК КПСС. В нашем журнале публикуются впервые.*

---

Предметом острых дискуссий становятся сегодня идеологические постулаты, ранее незыблемо лежавшие в основе общепринятого взгляда на вопросы мирового развития. Однако, если в реальной политике на смену им приходит трезвый практический подход и смелая политическая инициатива, воплощающая новые формы международного сотрудничества, то в области теоретического анализа до сих пор господствуют идеи, далекие как от жизни, так и от науки.

Концепция социалистической ориентации на протяжении десятилетий являлась одним из «краеугольных камней» внешнеполитической доктрины-

ны нашего государства. Прослеживается ее связь с идеями грядущей «всемирной пролетарской революции», «мировой пролетарской диктатуры», «свергающими господство мирового капитала» и т. п.

Социалистическая ориентация рассматривалась как специфическая форма проявления всеобщих закономерностей перехода к социализму на периферии мировой капиталистической системы. К ним, как известно, относились: установление диктатуры пролетариата, руководство трудящимися массами со стороны марксистско-ленинской партии, ликвидация частной собственности на основные средства производства, планомерность развития народного хозяйства, кооперация мелких производителей, осуществление культурной революции и формирование социалистического мировоззрения трудящихся.

В связи с этим возникает множество вопросов. Вмещала ли заданная «модель» всю сложность и неоднозначность развития, которую избрали для себя страны, попытавшиеся политически «преодолеть» капитализм и попавшие в сложнейшее противоречие между ориентированной на социалистические идеи идеологией и своеобразно интегрированной в мировое капиталистическое хозяйство экономической инфраструктурой?

О путях перехода к какому социализму шла речь? Какие модели развития могли позаимствовать освободившиеся страны, в том числе из числа реализованных в социалистическом мире? На какой основе возможно было преодоление уродливых форм капиталистической эксплуатации, а не замена их столь же одиозными формами эксплуатации государственно-бюрократической? Наконец, можно ли отождествлять ориентацию на советскую модель социализма с социалистической ориентацией, если под последней понимать (пусть в теоретическом плане) ориентацию на самостоятельный путь развития в широком спектре экономических, социально-политических и духовных преобразований?

В статье рассматриваются некоторые противоречия развития довольно узкой группы стран, относимых в отечественной литературе к так называемым странам «левого фланга» социалистической ориентации. Естественно, наши выводы не претендуют на исчерпывающие, хотя представляется, что вполне назрела задача теоретической оценки всего разнообразия попыток привить социалистические формы на африканской почве. Не предвосхищая анализа причин принципиальной корректировки стратегии развития Анголы, Мозамбика и Эфиопии, напомним, что во второй половине 70-х — начале 80-х годов эти страны вооружали нашу научную мысль весомыми аргументами в пользу революционного оптимизма в определении характера современной эпохи, движущих сил мирового революционного процесса, качественных и количественных характеристик мировой социалистической системы. Между тем дихотомическое (капитализм- социализм) видение сложного и неоднозначного «третьего мира», стремление расширить антиимпериалистический фронт за счет антидемократических по сути, но основательно экипированных левой фразой режимов в развивающихся странах, а также разного рода утопические эксперименты более всего вредили как интересам науки, так и престижу самого социализма.

Отказываясь от принципа выведения «социалистичности» общества из размеров государственного сектора экономики, темпов и масштабов производственного кооперирования крестьянства, внедрения централизованного планирования и т. д., важно не только пересмотреть обветшавшие теоретические положения, но и социологически проанализировать механизмы массового сознания, блокирующие или, наоборот, способствующие

щие становлению тех или иных принципов социальной ориентации, форм самодеятельной активности населения (различных этнических и социальных групп индивидов) в данной социально-культурной ситуации, а также многие другие параметры, дающие в совокупности интегральную картину общественного организма.

Опыт последних лет позволяет преодолеть инерцию обращения к фактологически бедным и конъюнктурным трудам 70-х и первой половины 80-х годов в пользу новых работ, ставящих во главу угла исследование реальных противоречий общественного развития тех или иных стран. Преодоление традиции официальной науки с ее своеобразным «дипломатическим» этикетом и многочисленными «табу» поможет всем нам выйти на позиции здравого смысла и удержит от крайностей, бытующих в обыденном восприятии реальностей соориентации: обвинений африканских революционеров в неумении подчинить волю и сознание масс закономерностям социалистического строительства, с одной стороны, и тотальных отрицаний социалистической ориентации как определенного рода общественной практики в связи с преобладанием в ней структур власти авторитарного типа, с другой.

Не секрет, что сегодня сложилась непростая с точки зрения политической и научной оценки ситуация, связанная с анализом политико-идеологической деятельности революционных демократов в ее прямой соотнесенности с действительными общественными процессами. Ситуация распадается как бы на несколько звеньев, слабо взаимодействующих друг с другом. Одно из них — теоретические знания о странах соориентации, сосредоточенные главным образом в академических и научных центрах социалистических стран. Другое звено — политика и идеология правящих номенклатурных режимов. Третье представлено самой жизнью, равноудаленной как от аргументов теоретиков соориентации, так и от идеологических схем и построений, применяемых лидерами этих стран для объяснения определенной политической практики. Вместе с тем эти отдельные аспекты связаны между собой стремлением объяснить как плюсы, так и минусы формирующейся системы, функционирование которой далеко не исчерпывается широко принятым тезисом об определяющей роли надстройки по отношению к базису в специфических условиях прогрессивной революционно-демократической диктатуры.

За концепцией социалистической ориентации всегда стояла реальная политика, конкретные формы сотрудничества и взаимопомощи. Но выработана ли сегодня хотя бы приблизительная модель социологического анализа этих обществ? Действительно ли мы навсегда ушли от времен, когда диктатора Уганды Иди Амина и его клику именовали «патриотически настроенными военными», а про Экваториальную Гвинею, где правил Масиас, писали, что «страна идет по пути прогрессивных социально-экономических преобразований»?

«Реалии» социально-экономической и политической жизни оказались гораздо сложнее и специфичнее, а наиболее очевидное некогда противоречие между прогрессивной, ориентированной на социализм надстройкой и отсталым интегрированным в мировую капиталистическую систему базисом наполнилось таким сложным внутренним содержанием, что плодотворное исследование возможно лишь на основе идеологически непредвзятого научного подхода. Возникает вопрос и другого плана: является ли констатация этого противоречия достаточным основанием для объяснения важнейших проблем жизни обществ, вставших на так называемый «некапиталистический путь развития»?

Действительно, если следовать принятым канонам, то по крайней мере в идеологической сфере (не будем смешивать ее с другими составляющими разнообразной и противоречивой политической и духовной жизни) данная группа социалистически ориентированных стран давно вышла за рамки капитализма. В данном случае важна не констатация научной несостоятельности тех или иных идеологических клише, которые, кстати, в последнее время изымаются из основных политических документов, прежде всего в Мозамбике и Анголе, но изучение характера взаимодействия в социокультурной среде этих стран «мнимосоциалистических» и иных ориентации общественного сознания. Ведь только в среде интеллигенции помимо выразителей настроений вульгарного социализма, мелкобуржуазной революционности, анархизма и т. п., можно найти критиков официального курса как с позиций апологетики «вестернизации» и «вестминстерской» модели демократии, так и требований более последовательного проведения в жизнь идей национального единства, национально-самобытности.

Только корректное изучение структуры и динамики массового сознания позволит со всей определенностью понять, почему независимо от политической ориентации режима в большинстве стран Африки реально воспроизводится тенденция укрепления «однопартийных» демократий с особым, харизматическим статусом их лидеров. И хотя устремления к модернизации общества в духе либерально-демократических и социал-демократических традиций имеют под собой определенную почву, шансы на реализацию этих идеалов чрезвычайно низки, если исходить не из чьих-либо симпатий, а из характера борьбы за власть. При этом нужно иметь в виду, что в этой борьбе наиболее дальновидные африканские политики опираются на «традиционные» социокультурные ценности и устойчивые стереотипы массового сознания с его ориентацией на связи догражданского общества: общинно-коммунальные, лично-родственные, кланово-корпоративные и т. п. Сейчас, когда в связи со знаменательным отходом социалистических стран от авторитарных, централистских принципов общественно-политической и экономической организации в африканском регионе резко возрос интерес к многопартийным и парламентским политическим системам, полезно выслушать и аргументы самих африканских лидеров. Так, отвечая на вопрос о том, будет ли создана в Кот-д'Ивуар многопартийная система, президент Феликс Уфуэ-Буаньи, известный своей прозападной ориентацией, заметил следующее: «Вы очень часто забываете свою историю. Вашим королям приходилось воевать ради национального единства. И с тех пор, как это единство существует, вы можете говорить о многопартийности... У нас существует 60 племен, каждое со своими обычаями, со своей диалектикой... нам предстоит пройти еще немалый путь, прежде чем мы придем к истинному национальному единству. Что мы наблюдаем в ходе выборов? Каковы бы ни были достоинства кандидата, он может победить только в своем районе» [3]. Здесь со всей откровенностью указано на фундаментальное обстоятельство, которое в значительной степени обуславливает обреченность попыток механического переноса наработанных в развитых странах политических форм на африканскую почву. Очевидно, что те же или близкие соображения, а вовсе не симпатии к сталинской модели социализма, лежат в основе стремления руководителей и других стран искать такие пути национального примирения, которые позволили бы политически стабилизировать общества в рамках однопартийной системы и достичь полной легитимизации созданных основ национальной государственности.

Опыт борьбы этих народов за национальный и социальный прогресс не предлагает каких-либо универсальных рецептов достижения и поддержания национального единства на различных ее стадиях. Сейчас уже ясно, что усилившееся с начала 80-х годов во многих странах социалистической ориентации нарастание кризисных явлений в экономике и других областях укрепляло почву для усиления центробежных тенденций и торможения процессов национально-этнической консолидации. При отсутствии национального рынка и чрезвычайно низкой политической культуре подавляющей массы населения, естественно стремление руководства укрепить основы политической системы, опирающейся на традиции однопартийной демократии. Другой вопрос, каким образом в условиях однопартийного государства будет организована борьба с издержками авторитаризма и монополизма, уже укоренившихся в структурах власти и управления.

Оценивая возможности стабилизации в Анголе, Мозамбике или Эфиопии, необходимо исходить не только из реально наметившейся в действиях руководства политической воли, но и из оценки сложной комбинации положений и социальных ролей тех слоев и групп, которые либо перешли в новые структуры из колониального общества (в Эфиопии — из реальностей феодально-монархического режима), либо возникли после независимости.

В этой оценке очень опасно исходить из каких-либо предвзятых идей о соориентации в Африке как системе взглядов и политических действий, навязанных или продиктованных африканцам их покровителями из Москвы, Гаваны или Пекина. Вполне очевидно, что само обращение к идеям социализма выросло естественно из поиска путей освобождения от колониальной и неоколониальной зависимости. После освобождения, в ходе создания основ политической системы и новой государственности выросло поколение партийных кадров, связывающее свое представление о новом обществе с лучшими сторонами опыта социалистических стран. Свойственная этому социальному слою ориентация на политическую культуру советского общества доперестроечной формации стала социально-психологической почвой, изначально питавшей «военно-коммунистические» тенденции. Они проявились и в «псевдосоциалистическом» содержании многих правительственных декретов, и в направленности на модели развития, близкие советской, кубинской или китайской. В сельской местности они выразились в форсированном переходе к коллективным хозяйствам социалистического типа: производственным кооперативам и госпредприятиям.

Можно утверждать, что формирование социальной и экономической стратегии в этой группе стран происходило под влиянием «идеологии государственного социализма». Отсюда — курс на почти полное огосударствление средств производства, банков, торговли, транспорта. В Анголе и Мозамбике лишь отдельные прагматически настроенные деятели пытались сохранить и использовать в экономике опыт португальских колонизаторов.

Чрезмерный революционный романтизм и утопичность целей, выразившиеся, в частности, в преувеличении возможностей производственной кооперации в сельской местности, стали определяющей чертой разработки общей стратегии развития во многих странах социалистической ориентации. Рассматривая эту проблему на примере Эфиопии, Г. А. Крылова справедливо отмечает, что в основе повальной «детской болезни левизны» лежит специфика восприятия революционными демократами идей

научного социализма и стремление воспроизвести советскую модель строительства социализма, в которой им импонировали «сила централизации, административно-командный метод хозяйствования, авторитарность управления, отсутствие, оппозиции, альтернативных идейных течений, часто оторванные от жизни, но работающие на внутреннюю консолидацию лозунги» [4]. Нужно лишь добавить, что к этому их подталкивала сама логика общественной борьбы, приводящая к «декретированию социализма» без учета степени зрелости общественных форм, что почти неизбежно для всех радикальных движений XX века. Не исключено, что в момент нарастания кризиса марксизм рассматривается, как утверждает теперь один из бывших руководителей Эфиопии Гошу Вольде, в качестве метода, благодаря которому «сохраняется полный контроль над свободой передвижения, свободой мысли и свободой волеизъявления» [5].

Необходимо отметить, что в практике социалистического выбора так же как и в ходе социальных революций иного социально-классового содержания, отказ от опоры на «военно-коммунистические» методы в экономике происходил обычно после максимального укрепления структур власти и концентрации рычагов управления в руках одного или группы лидеров, с чьим именем олицетворялся в той или иной стране социалистический выбор. Возможно, именно в связи с такой внутренней структурой психологических мотиваций революционных «забеганий» В. И. Ленин подчеркивал, что «есть, по-видимому, закон, требующий от революции продвинуться дальше, чем она может осилить» [2].

Пожалуй, мы сегодня не знаем ни одной страны с «чистым», «непротиворечивым» развитием по пути социалистической ориентации. Такой вариант — скорее теоретический продукт, подверженный в реальности деформациям, «зигзагам», откатам назад. Бесспорно, идея альтернативы капитализму в «третьем мире» имеет вполне реальную социальную основу. Однако прорыв в иную систему социальных координат не столь однозначен. Становится все более очевидно, что при анализе деятельности любого государства не следует отождествлять, жестко связывать между собой классовую природу социальных групп — носителей государственной власти, социальную базу этой власти и экономический базис общества. Взаимодействие между данными категориями существует всегда, но оно может быть сложным и противоречивым, что и наблюдается в странах социалистической ориентации.

При оценке классовой сущности государства следует прежде всего выяснить, коренные интересы каких классов или социальных групп отражает его реальная политика, в интересах каких исторически нисходящих или восходящих социальных слоев оно функционирует. Объектом анализа могут быть разные стороны деятельности госаппарата, в том числе и характер его связей с иностранным капиталом. При этом важно понять, повышается ли эффективность общественного сектора, происходит ли становление национального рынка и т. д.

Не менее важно учитывать, на какие социальные слои и силы опираются партийные и государственные власти; какую роль в обществе играет мелкая буржуазия, не допускаемая непосредственно в высшие эшелоны; перспективны ли «узаконенные» в практике соцориентация направления «плавного» изменения социальной базы в сторону укрепления позиций рабоче-крестьянских масс, народной интеллигенции или же реализуются другие тенденции.

Оценивая сущностные характеристики обществ социалистической ориентации, необходимо проанализировать и тип включенности национальных производительных сил и производственных отношений в систему мирохозяйственных связей, и роль государства, опосредующего эту включенность. Положение правящих групп, которые опираются на те или иные социальные силы в системе мировых отношений, также имеет огромное значение для понимания реальности курса соориентации. Разумеется, заслуживает внимания анализ включенности различного рода государственных структур не только в систему политических, классовых отношений, но и в международные экономические связи. Так, одним из показателей характера включенности являются источники доходов госаппарата и его опоры — госсектора. Вопрос в том, живут ли они за счет созданного в последнем прибавочного продукта или их содержание осуществляется путем перераспределения прибавочной стоимости в рамках мировой системы капитализма. В Анголе, например, в настоящее время госсектор приносит убытки, которые покрываются из бюджетных средств; в самом госбюджете практически половина доходов формируется за счет налогов на деятельность частного и иностранного капитала, преимущественно взносов иностранных инвесторов за нефтедобычу. В середине 80-х годов в Анголе за счет экспорта нефти, добываемой с помощью иностранного капитала, покрывалось 84% общего объема валютных доходов страны. В сфере потребления около 80% обеспечения предметами повседневного спроса осуществлялось за счет импорта. Последний оплачивался доходами от смешанного сектора в нефтяной промышленности и кредитами капиталистических стран.

Несомненно, что сохранение и расширение экономических связей с капиталистическими странами дает не только выигрыш от привлечения капитала для развития производительных сил, но приводит к возникновению новых форм экономической и технологической зависимости, а также к новым формам социально-политических противоречий в обществе. Среди них — значительные социальные издержки и ущерб, наносимый экосистеме в ходе экспорта западных технологий, основанных на утилитарно-рациональном отношении к природе.

Другой особенностью современного перемещения «вещных» элементов индустриального производства в неадекватную духовную и социальную среду африканских стран является, на наш взгляд, форсированный по нормальным историческим меркам отрыв рабочей силы «индивида, данного природой» (Маркс) от его целостной «экзистенции». А это создает и консервирует ситуацию, когда человек неспособен выработать «всю полноту своих отношений» и противопоставить их себе «в качестве независимых от него общественных сил и отношений» [1].

Можно не разделять этого вывода, но, очевидно, стоит согласиться с тем, что отмеченное противоречие, реально воспроизводящееся в странах социалистической ориентации, ждет социологического исследования. Необходимо видеть, что специфические проблемы дезинтеграции социальной и природной среды, включая «индивида, данного природой», встают и перед странами социалистической ориентации, реализуясь в процессах формирования квази-традиционных, квази-капиталистических и квази-социалистических субсистем, являющихся частями зависимого общества. Отдельные стороны этих процессов, воспроизводство самого человека, его социализация или маргинализация, функционирование в обществе ценностей, производных от разнородных социальных систем, разворачиваются при этом в различных плоскостях и не стыкуются.

С 80-х годов многие главным образом западные исследователи среди причин кризиса, поразившего африканские страны независимо от их политической ориентации, все чаще выделяют противоречие между традиционным укладом жизни и заимствованными у развитых стран формами политической и экономической организации. Так, по мнению французского политолога Ж. Ф. Медара, отсутствие органической и естественно-исторической связи между юридико-политической формой организации и реальным содержанием общественных отношений в этих странах создает иррациональную ситуацию, когда «управление делами общества осуществляется не в интересах общества, а в пользу самих управляющих; при этом общественный сектор формально отделен от частного, но управляется как частное владение» [6]. Известны и значительные социальные издержки такого положения, характерного для большинства африканских стран: гипертрофированный рост государственного сектора в экономике, коррупция и бюрократизм, некомпетентность и кланово-корпоративная мораль, а также постепенный упадок «цивилизованных» форм хозяйствования и рост теневой экономики. По сообщениям печати, в Уганде годовой оборот теневой экономики достигает двух третей ВВП; в относительно благополучном Марокко масштабы неофициальной экономической деятельности оцениваются более чем в 6 млрд. долл. в год [7].

Предвидя возможное сближение теоретических выводов советских и западных востоковедов в вопросе о корнях кризисного состояния стран «третьего мира», необходимо особо выделить тему причин кризиса модели социалистически ориентированного развития в тех из них, лидеры которых со всей серьезностью заявили о своем критическом отношении к механическому переносу опыта реального социализма в специфические условия Африки. Почему, несмотря на, казалось бы, принципиальное следование теории некапиталистического развития ни одной из стран этой группы не удалось найти формулу «органического синтеза» традиционных и современных факторов развития? Как совместить стихийное увлечение африканцев политической теорией марксизма-ленинизма с адекватными изменениями базисных отношений, с эволюцией социально-психологических характеристик вчерашнего общинника в сторону современного индивида НТР-го типа? Эта работа могла бы развиваться в русле общетеоретических проблем анализа исторических корней государственного-бюрократического социализма вообще, в частности, таких явлений как «рашидовщина», «кунаевщина» и т. п. в советских среднеазиатских республиках. Интересны попытки отдельных ученых расширить поле анализа аналогичных социальных явлений в странах Востока, сочетая формационный и цивилизационный подходы. В данном случае хотелось бы обратить внимание на актуальность изучения социокультурных и, особенно, социально-психологических аспектов взаимодействия традиционности и инновационности в сложных процессах, открытых эпохой независимого развития. В последние годы был накоплен опыт, анализ которого позволяет более полно раскрыть не только причины слабой эффективности социально-экономических стратегий авангардных партий, но и перспективы частного и общественного укладов, которые во многом зависят от сегодняшней оценки африканскими революционными демократами их возможной цивилизационной роли. Плодотворным могло бы стать исследование социально-психологических аспектов современной эволюции отношений собственности в странах социалистической ориентации. Дело в том, что одним из наиболее устойчивых проявлений тради-



ционности в африканских странах, в том числе и в сфере распоряжения и пользования государственной собственностью, является преимущество общесемейного права на собственность по сравнению с индивидуальным. При сохранении приоритета этнических, племенных, клановых интересов перед общенациональными, этот социокультурный комплекс африканского крестьянина-общинника заметно влияет на содержательную сторону общественных связей и отношений, особенно там, где государственный аппарат устанавливает спую монополию. С ростом госсектора в экономике развивающихся стран африканские традиционные модели поведения, деформируя планы национальной реконструкции, стали тормозом рационального хозяйствования.

Вряд ли можно сегодня утверждать, что страны социалистической ориентации вышли «за рамки» капитализма, создав экономическую инфраструктуру качественно иного типа, предполагающую универсальность работника и выход его за пределы общинно-коммунальных социальных связей. Произошло скорее обратное. Воспроизводящиеся «корпоративно-потребительские» структуры в еще большей мере противопоставили себя «индивидуально-продуктивным» формам, став своего рода заслоном как на пути реализации капиталом продуктивной функции в условиях научно-технической революции, так и на пути становления универсальности (а значит, индивидуально-личностного начала) самого труженика.

За этим процессом нельзя не увидеть парадоксального, на первый взгляд, факта: интересы корпоративно-потребительских структур находятся в полном соответствии с новыми формами зависимости развивающихся стран. Важный компонент этих форм — монополия на тип работника, отвечающего требованиям научно-технического производства. Это проявляется в «утечке умов» в центр мировой капиталистической системы. Одновременно данный тип работника не является ни ценностным, ни системообразующим фактором «общинно-коммунальных» структур, в той же мере не заинтересованных в преобразовании людской толщи традиционных укладов, как и капитал.

Именно поэтому само по себе перемещение «вещных» и «духовных» элементов индустриальных и научно-технических производительных сил в освободившиеся страны не привело к скачку общественно-производительных сил. В таких условиях призыв Дж. Ньерере создавать программы развития в «категориях людей, а не вещей», приобретает значение не абстрактно-гуманистической утопии, но императива национального и социального возрождения.

Итак, преодоление умозрительного подхода к анализу феномена социалистической ориентации связывается с исследованием трех блоков противоречий развития данной группы стран:

1. Противоречия резкого перехода от одной комбинации укладов (колониальная ситуация) к другой (постколониальная ситуация). Они проявляются в маргинализации и пауперизации значительных масс населения; в наблюдаемый период это явление породило социально-психологические комплексы, которые можно обозначить термином «бегство от свободы», введенным в свое время Э. Фроммом.

2. Противоречия, порождаемые попытками совместить элементы разнородных и разноформационных социальных систем. Конкретно эти попытки заключались чаще всего в заимствовании политико-правовых форм общественных отношений из опыта развитых стран, в то время как их содержательная сторона определялась действием достаточно устойчивых «традиционных» факторов.

3. Противоречия собственно социалистически ориентированного пути развития, представляющие собой частью производное от вышеизложенных противоречий, частью результат «деформированности» общей методологии и практики социориентации, а также излишней конфронтационности и идеологизации, отличавших так называемый «революционный» подход к анализу эпохи.

Таким образом, по двум группам противоречий как минимум совпадают, на наш взгляд, особенности начальных этапов постколониального развития африканских стран независимо от их политической ориентации.

Собственно социалистически ориентированный курс, избранный в различных странах «третьего мира», можно рассматривать как своеобразную попытку найти посильный путь постепенной трансформации элементов разноформационных социальных структур в некое социально-политическое единство, где паралич хозяйственной жизни, груз «традиционности», этнонациональная разобщенность и т. д. преодолеваются средствами революционной диктатуры, модус операнди которой во многом отражает противоречия между реально демократическими задачами и мнимосоциалистическим характером начатых преобразований. Подчеркивая производный, вторичный характер части противоречий собственно социалистически ориентированного курса, мы хотим в данном случае лишь обратить внимание на ту степень «несвободы», которая отличала правящие группы освобождавшихся от колониализма стран в момент выбора ими стратегии развития. Эта «несвобода» или зависимость от характера социальной базы освободительных движений была большей как раз в таких странах, где переход к социориентации осуществлялся на гребне массовых антиколониальных движений. В таких странах как, например, Ангола и Мозамбик в условиях резкого, связанного длительной вооруженной борьбой с колонизаторами выхода из колониальной ситуации, конфронтационность и идеологизация стали своего рода естественной реакцией как на воздействие внешней политической конъюнктуры, так и на социально-психологические запросы радикальной интеллигенции и пауперизированных слоев городских окраин.

В настоящее время выросшие в численном отношении и не интегрированные в социальном плане паупер-люмпенские слои африканского города составляют в пораженных кризисом странах социалистической ориентации тот взрывчатый материал, деструктивный потенциал которого обуславливает в сложной военно-политической обстановке приоритеты в выборе направлений и темпов политических и экономических реформ. Сейчас, когда на первый план в политической жизни «афро-коммунистических» стран (или «афро-марксистских» по классификации американского политолога К. Янга) выходит проблематика, связанная с поиском путей национального примирения и выхода из состояний длительных внутренних конфликтов, важное значение приобретает не только готовность правящих групп отказаться от нетерпимости и непримиримости в оценках своего внутреннего противника, но и растущее понимание потребности полного пересмотра идейно-политического багажа, переориентации своей деятельности на цели земные, понятные общественному мнению в этих странах и за рубежом. На сегодня, между тем, очевидны значительные расхождения между официально принятыми оценками состояния общества и его стабильности и результатами новой социальной стратификации, несущей в себе причины нарастания разрыва между системой ценностей, на которой с момента социалистического выбора происходила легитимизация новой власти, и последними изменениями

в СССР и восточноевропейских странах, приводящими эту систему в противоречие с устанавливающимся во всем мире новым морально-политическим климатом.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857-1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 105.
2. *Ленин В. И.* Письмо В. В. Адоратскому. 20 сентября 1921 г. // Поли. собр. соч. Т. 53. С. 206.
3. Mond. 1989, 28 december.
4. *Крылова Г. А.* Национально-демократическая революция в свете нового политического мышления (на примере Эфиопии) // Народы Азии и Африки. 1989. № 1. С. 42-53.
5. Christian science monitor. 1989. 29 September.
6. *Medard J. F.* La specificite des pouvoirs africains // Pouvoir. 1983. N 25. P. 15-17.
7. Africa report, 1989. January- february.